
Мать Се то садилась в кресло, то вскакивала и принималась мерить комнату шагами, сгорая от нетерпения в ожидании вестей от свахи Ван.

Последние несколько месяцев она только и жила мыслями о замужестве Нин-гээр. Нельзя сказать, что достойных кандидатов совсем не было, но стоило посреднице намекнуть о желании породниться, как следовал вежливый, но твердый отказ.

Знатные семьи не желали брать гээр на место законного супруга, особенно если тот уже был однажды помолвлен, да еще и считался по меркам общества «перестарком» в свои восемнадцать лет. Ученые же из простых семей, обладавшие талантом и мечтавшие о блестящей карьере, опасались связывать судьбу с домом военного чиновника. Были и те, кто соглашался взять юношу, но лишь на место наложника. Разумеется, госпожа маркиза и слышать об этом не хотела.

Потому и сейчас её терзали сомнения. Пусть Лу Чуань — всего лишь бедный сюцай, а поместье Се — дом маркиза второго ранга, где гарантии, что он не ответит отказом? Вдруг его смутит природа сына или военное прошлое их семьи?

Сам же Се Нин, казалось, ничуть не волновался. Хоть он и дал согласие на это сватовство, в успех предприятия верил слабо, несмотря на то, что потенциальный жених, по слухам, предпочитал именно гээр.

Юноша неспешно лакомился пирожным, запивая его ароматным напитком.

«А ведь здешний Лунцзин и впрямь хорош, — подумал он. — Сразу чувствуется, что подарок самой Императрицы»

Мать Се, не выдержав того, с каким безучастным видом сын переводит запасы, отобрала у него чашку:

— Хватит пить! Ты хоть вкус-то чувствуешь? Только зря добро переводишь.

Юноша и вправду не слишком разбирался в тонкостях сортов, но само осознание, что этот сбор пожалован из дворца, заставляло его верить, будто он вкуснее обычного. Впрочем, в этой семье тонких ценителей чая отродясь не водилось.

Лишившись чашки, Се Нин ничуть не обиделся и просто потянулся за следующим пирожным.

Видя его беззаботность и полное безразличие к собственной судьбе, маркиза расстроилась еще сильнее. Она выхватила у него и сладости:

— Всё ешь и ешь! Только о еде и думаешь, а до свадьбы дела нет. И в кого ты такой уродился? Ни капли беспокойства в душе!

Се Нин поднялся, мягко усадил женщину обратно в кресло и принялся разминать ей плечи:

— Матушка, не терзайте себя понапрасну. Согласится он или нет — решать только ему, мы на это повлиять не в силах.

В это время в покои заглянула старшая невестка, госпожа Чжан. Закончив с домашними делами, она пришла составить им компанию. Видя тревогу свекрови, женщина попыталась её утешить, хотя понимала: пока дело не будет решено окончательно, сердце матери Се не успокоится.

Наконец слуга доложил, что прибыла сваха Ван.

— Скорее, зовите её сюда! — велела хозяйка.

Сваха вошла в залу, расплываясь в сияющей улыбке. Еще не закончив церемонный поклон, она радостно провозгласила:

— Поздравляю, госпожа, поздравляю! Ученый Лу дал свое согласие!

Мать Се вскочила, невольно схватив гостью за руки:

— Это правда?

— Истинная правда! — подтвердила сваха Ван. — Все подарки от поместья он принял и сам, своими устами, подтвердил согласие.

Морщинка, прорезавшая лоб маркизы в последние дни, мгновенно разгладилась. Тяжелый камень наконец свалился с её души. Её Нин-гээр всё-таки кому-то нужен! Да еще и на место законного супруга. Пусть теперь хоть кто-нибудь попробует распускать о нем гнусные сплетни!

Дав волю чувствам, госпожа хоу немного успокоилась и вернулась на свое место:

— И какова же была его первая реакция? — с улыбкой поинтересовалась она.

Видя радость маркизы, посредница тоже расслабилась:

— Сначала, когда я только заговорила о женитьбе, он заявил, что пока не планирует обзаводиться семьей. Подумал, верно, что я пришла сватать ему какую-нибудь девицу, и прямо отрезал: мол, девушки мне не милы, в жены возьму только гээр.

— Редкое совпадение! — продолжала сваха. — Сами небеса благословили этот союз. Ваш сын и господин Лу — идеальная пара, краше и не придумаешь.

Мать Се была искренне удивлена. Мало кто из мужчин открыто заявлял о желании видеть гээр в качестве первой и единственной супруги. В столице, конечно, встречались те, кому нравились гээр, но обычно они всё равно брали в жены женщину для продолжения рода, а гээр держали в качестве наложниц.

— Но стоило мне упомянуть, что речь идет о сыне маркиза Юннина, — добавила сваха Ван, — как господин Лу прямо-таки просиял от счастья и тут же согласился на все условия.

Они проговорили еще долго. Сваха не жалела сладких слов, и мать Се слушала её с величайшим удовольствием.

А вот Се Нину, стоявшему за ширмой, было совсем не до веселья. Ему не подобало присутствовать при обсуждении собственной свадьбы, поэтому, как только пришла гостья, он спрятался в тени, чтобы всё слышать. Юноша был уверен, что и в этот раз ничего не выйдет, но, вопреки ожиданиям, Лу Чуань согласился.

«Неужели я и вправду выйду замуж?»

Эта мысль пугала и будоражила его одновременно. Он еще не был к этому готов.

«Можно ли верить свою жизнь человеку, которого видел всего дважды?»

Когда-то давно Се Нин тоже предавался мечтам о будущем. Он представлял, как построит уютный дом с Лянь Инцзе, как станет опорой мужу и будет растить детей. Но после того как помолвка была разорвана, его жизнь на несколько месяцев превратилась в череду огорчений и унижений, и он давно перестал об этом думать. Юноша не мог вообразить, каково это — делить кров и ложе с другим мужчиной.

Но отступать было некуда. Он понимал, что не может вечно оставаться один: это разбивало сердце матери и заставляло отца и братьев терзаться чувством вины. Те, кого выбрали родные, наверняка люди достойные.

«Что ж, будь что будет. Я согласен»

На следующее утро сваха Ван отправилась в путь ни свет ни заря. В их деле полагалось доводить поручение до самого конца, чтобы всё было безупречно. По обычаям Великой Ань, даже если инициатива исходила от стороны гээр, официальный визит с предложением руки и сердца должен был совершить жених — если только речь не шла о принятии мужа в семью супруга.

Раньше посреднице приходилось иметь дело лишь с мелкими чиновниками да богатыми

купцами. Дела знатных домов обычно вели государственные свахи, а аристократия старой закалки предпочитала услуги свахи Линь. У Ван не было и шанса пробиться в этот высший круг. Но теперь, когда само поместье Юннин доверило ей такое важное дело, перед ней открылись небывалые перспективы. Она даже отказала другим заказчикам, чтобы полностью сосредоточиться на этом браке.

Лу Чуань вырос в деревне и рано лишился родителей, так что единственным его советчиком был староста. Разбирая вчерашние подарки от семьи Се, учёный обнаружил в небольшом ларце целых пятьсот лянов серебра. Маркиз понимал, что небогатому человеку не под силу собрать достойный выкуп, а потому решил тайно снабдить его средствами, чтобы будущий зять не выглядел слишком уж бедно в глазах столичного света.

В свое время семья Лянь прислала лишь старую яشمовую подвеску — и в качестве выкупа, и как залог верности. Скупость их не знала границ. А после разрыва помолвки они не постеснялись потребовать вещицу обратно, при этом не подумав вернуть те щедрые дары, что поместье Се посылало им все эти годы.

Увидев деньги, Лу Чуань сразу понял намерения будущих родственников, но ни капли обиды не почувствовал. Напротив, мысль о том, что он не только берет в жены любимого человека, но и сможет при этом «питаться мягким рисом», доставляла ему немалое удовольствие. Прежде он в поте лица трудился счетоводом в чайной за жалкие шесть лянов в месяц, которых едва хватало на самое необходимое. Теперь же можно было со спокойной совестью стать «альфонсом» — о какой гордости могла идти речь, когда на кону такое счастье?

Он с благодарностью принял серебро и решил пустить его на покупку свадебных даров. Прибавив к ним двадцать с лишним лянов, заработанных на своих историях, молодой человек мог рассчитывать на вполне приличный выкуп. Пусть по меркам маркиза это и была сущая мелочь, но Лу Чуань приложил все силы, чтобы подношения выглядели достойно.

Староста с супругой пришли в дом учёного ни свет ни заря. Как только прибыла сваха Ван, все трое погрузились в жаркие споры о том, что именно следует купить. В итоге, сообразуясь с имеющейся суммой, они составили список подарков и вместе отправились в город.

Благодаря связям свахи они находили лавки, где цены не кусались, а качество товара было отменным. Впрочем, Чэнь Бо всё равно то и дело хватался за сердце, слыша стоимость той или иной вещицы. Лу Чуань же сохранял олимпийское спокойствие: деньги были не его, а многих вещей он и вовсе раньше не видел, так что просто платил, не вступая в споры.

Уезжали они с пустыми руками, имея лишь кошель с монетами, а вернулись на нескольких повозках, груженных доверху. Деревенские кумушки тут же принялись чесать языками:

— Неужто наш сюцай клад нашел?

— Вчера сваха приезжала, видать, жениться надумал!

— Ох, и кто же эта невеста, что так богата?

— Кто ж её знает. Вчера только дядя Чэнь у него был, он-то наверняка всё ведаёт.

— Пойдемте-ка, расспросим старосту!

Чэнь Бо в это время как раз руководил разгрузкой, а Лу Чуань показывал, куда нести коробки. Сваха Ван, закончив дела, уже вернулась к себе. Несколько любопытных селян подскочили к мужчине:

— Староста, неужто Лу Чуань и впрямь разбогател?

Тот только отмахнулся, расчищая дорогу носильщикам:

— Прочь с дороги, не мешайте людям! Паренек наш жениться собрался, вот что!

— Жениться? Да чья же это дочь, раз столько добра привезли?

— Всеми свое время, — строго отрезал староста. — Вот через пару дней всё решится, тогда и узнаете.

Пока дело не было слажено, он не желал болтать лишнего — мало ли что может случиться. Если вдруг свадьба расстроится, зачем зря губить репутацию гээр? С этими словами Чэнь Бо выпроводил зевак со двора.

Следующий день прошел в лихорадочных сборах. Завтра предстоял визит в поместье Се. Лу Чуань еще раз пересчитывал подношения, сверяя их со списком, когда в комнату вошел староста. Лицо его выражало крайнее возмущение:

— Послушай, Чуань-эр, я теперь понял, почему люди из дома маркиза так легко согласились отдать за тебя сына!

Лу Чуань поднял на него вопросительный взгляд.

— Я сегодня Чэнь Циншаня в город посылал, велел всё разузнать. Так вот, оказывается, от этого гээр уже один раз отказался жених! Раз помолвка была разорвана, значит, с ним точно что-то не так! Нельзя тебе на нем жениться, попомни моё слово.

Рука учёного с кистью замерла. Он медленно повернулся к мужчине, и взгляд его стал предельно серьезным:

— Дядя Чэнь, мне это известно.

— Известно? — опешил тот.

— Да. С ним расторгли помолвку без всякой на то причины. Вина лежит целиком на женихе, а

Нин-гээр здесь ни при чем.

— Так-то оно так, — засомневался староста. — Но если бы с ним всё было ладно, разве стал бы жених отказываться?

— Се Нин здесь совершенно ни при чем, — твердо повторил Лу Чуань. — Его бывший жених, как только сдал экзамены на цзиньши, решил, что гээр ему больше не ровня. Только поэтому он и разорвал союз.

Староста смутился:

— Ох... А я-то, старый дурак, думал, ты и не ведаешь ничего. Раз уж ты сам всё знаешь и решил для себя, то и я больше слова не скажу.

Лу Чуань смягчился:

— Я знаю, что вы желаете мне добра. Я дал согласие, лишь когда всё тщательно взвесил. Не беспокойтесь об этом.

Разумеется, молодой человек задумывался, почему маркиз отдает единственного сына за простого бедняка. Может, от отчаяния, а может, время поджимало — Се Нину уже восемнадцать, медлить было нельзя. Как бы то ни было, в выигрыше остался именно он.

Он называл свои чувства к юноше «любовью с первого взгляда», но в глубине души понимал, что это была обычная страсть, вспыхнувшая при виде ослепительной красоты. Две мимолетные встречи не давали ему возможности по-настоящему узнать этого человека.

И всё же то мгновенное влечение было самым ярким чувством в его жизни. Он не хотел отказываться от этого редкого шанса из-за чужих пересудов. Конечно, его посещали сомнения.

«А что, если Се Нин окажется совсем не таким, каким я его себе вообразил? Что, если мы не сможем ужиться? Что, если наши взгляды на жизнь окажутся слишком разными?»

Но все эти доводы рассудка блекли перед одним всепоглощающим желанием.

Ради любви он был готов на всё. Лу Чуань хотел дать волю чувствам и хоть раз в жизни совершить по-настоящему безрассудный, импульсивный поступок.

<http://bllate.org/book/15313/1354396>